Applied Linguistics
Приложна лингвистика

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ГРАММАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (ВТОРИЧНЫЕ ИМПЕРФЕКТИВЫ)

Борис Норман
Белорусский государственный университет – Минск (Беларусь)
Уральский федеральный университет – Екатеринбург (Россия)

Резюме. Статията е посветена на потенциални граматични факти в съвременния руски език. Като такива се разглеждат глаголите от несвършен вид (вторични имперфективи), от типа на *обуславливать, оспаривать, уполномачивать, обезбаливать* и подобни. От гледна точка на езиковото развитие вторичните имперфективи в руския език активно разширяват сферата на своята употреба, което се потвърждава с използваните в текста графики и таблици. Особено внимание се отделя за редуването на фонемите о и *а* в глаголните основи. Следователно, в този процес едновременно участват суфиксацията (суфиксът *-ива-*) и вътрешната флексия (*о/а*). Прави се изводът, че граматичната функция на имперфективацията надделява, побеждава единството на фонемната структура на думата.

Като фон за руските имперфективи в статията служат аналогични явления в българския език (*написвам, отшумявам* и под.), като тук вторичната имперфективация се приема за ярка проява на процеса на граматикализацията.

Keywords: Russian verb; aspect; secondary imperfectivation; phonemic alternation; internal inflection; grammaticalization

Важное место в описании грамматики русского языка занимают факты, которые принято называть потенциальными. Речь идет о грамматических формах, «которые фактически почти никогда не встречаются, но при необходимости все же могут быть образованы по общим правилам русского словоизменения. <…> Потенциальная форма образуется, когда это потребуется, легко и однозначно; соответственно, в словаре никаких помет не дается. Примеры потенциальных форм такого рода: мн. число от *диета, нейтралитет, гордость* (соответственно *диеты, нейтралитеты, гордости*), краткие формы от *пограничный, сосновый* (соответственно *пограничен, погранична* и т.д., *соснов, соснова* и т.д.)» (Zaliznyak, 1987, 7).

Существуют и другие понимания потенциальных грамматических явлений. Иногда при этом имеются в виду языковые формы, которые встречаются в узусе, но никак не могут быть кодифицированы, не приемлются литературной нормой,

либо формы, которые имеют очень узкую сферу употребления: они ограничены дискурсивными или социальными условиями. Есть и такая точка зрения, согласно которой потенциальное явление, будучи реализовано в тексте, тем самым перестает быть потенциальным (Zubova, 1999, 52). И если, с одной стороны, потенциальное образование легко переходит в узуальное, то, с другой стороны, «в обширной области переходных фактов практически невозможно объективно установить степень продуктивности модели для различения окказионального и потенциального» (Ibidem). Все это составляет проблематику потенциальности языковых единиц в противопоставлении их реальности или узуальности.

У одного из основателей Пражского лингвистического кружка, В. Матезиуса, есть специальная статья «О потенциальности языковых явлений» (Matezius, 1967). Она посвящена колебаниям в выборе языковой единицы, наблюдаемым в речевой практике индивидов на протяжении одного периода. И хотя в центре внимания ученого находятся главным образом фонетические явления, его идеи можно применить и к грамматическим единицам. Если внутри одного и того же общества одним его членам присущи такие речевые факты, как *гордости* или *соснов*, а другим они кажутся странными или вовсе невозможными, то это дает нам основания расценивать данные факты как потенциальные для всего языка: они в принципе существуют, но не обладают той степенью всеохватности, которая должна быть свойственна грамматике. Потенциальность есть важнейшее свойство языковой системы, обеспечивающее ее развитие. А первым формальным ее признаком является низкая употребительность соответствующей формы (редкая встречаемость в текстах), см.: (Norman, 2016).

Как известно, каждый славянский язык по-своему решает проблему видовых оппозиций и общую структуру данной грамматической категории. И болгарский язык на общем фоне выделяется чрезвычайно регулярной (широкой) способностью образовывать от глаголов совершенного вида вторичные имперфективы. Вторичными они называется потому, что образованы от глаголов совершенного вида, которые в свое время уже могли быть образованы от глаголов несовершенного вида. Так происходит в случаях вроде *гледам – погледна – поглеждам, карам – накарам – накарвам, крещя – изкрещя – изкрещявам* и т.п. Многие такие болгарские вторичные имперфективы даже трудно перевести на русский язык, например: *написвам, отшумявам, попречвам* и т.п. И в давней дискуссии о том, как соотносятся лексическая и грамматическая семантика в общих рамках категории вида, болгарская имперфективация служит как раз образцом грамматикализации, см.: (Ivanova, 1967, 85 и др.). Св. Иванчев, говоря об «экспансии» глаголов несовершенного вида в болгарском языке, связывает ее с расширением функций суффикса *-ва-*, который «по линии неактуального употребления охватывает почти все совершенновидовые основы, от которых образует несовершенновидовые» (Ivanchew, 1971, 197). А К. Чакырова говорит в данной ситуации о «грамматическом итеративе» (Chakarova, 1998, 172).

Но в данном случае объектом нашего внимания будет образование глаголов со значением вторичного несовершенного вида в русском языке. Это примеры типа *кончать – (о)кончить – оканчивать, городить – огородить – огораживать, работать – заработать – зарабатывать, строить – выстроить – выстраивать* и т.п.

Акцентологическая модель многих исходных русских глаголов несовершенного вида требует ударения на финали: *смотр* – но *смотреть*, *стон*, но *стонать, крой*, но *кроить, ход,* но *ходить* и т.п. Чередование звуков [о] / [а] в корне становится здесь для носителя языка привычным, оно участвует в процессе словообразования. Этому чередованию – сотни лет. Но подчеркнем, что оно имеет редукционный характер, то есть связано с переносом ударения. Иными словами, здесь чередуются звуки [о] и [а] как варианты одной фонемы <о>.

Иное дело – когда [а], приходящее в корне на место исконного [о], оказывается под ударением, т.е. занимает сильную позицию. Это значит, что перед нами – чередование фонем как самостоятельных языковых единиц: *оспорить – оспаривать, присвоить – присваивать, заморозить – замораживать* и т.п. Можно спросить: какой корень в слове *оспаривать*? Ответ ясен: *-спар-*! Какой корень в *осваивать*? *-Свай-*! Какой корень в *замораживать? -Мораж-*! В *выкраивать? -Край-*! И в целом это явление вполне подходит под классическое определение внутренней флексии, то есть чередования фонем в основе с целью выражения нового грамматического значения. Значит, в русском языке существуют варианты корней *-спор-/-спар-, -свой-/-свай-, -мороз(ж)-/-мораж-,* а также *-долг(ж)-/-далж-, -крой-/-край-* и т.п.

И первый вопрос, который здесь возникает: почему язык не остановился на формах типа *оспоривать* и *осваивать*? Ведь когда-то вторичные имперфективы имели именно такой вид:

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца (А.С. Пушкин).

По-видимому, присоединение суффикса *-ива-* (*спорить – оспоривать)* было недостаточно сильным выражением значения несовершенного вида, недостаточно однозначным. Дело в том, что данный суффикс в русском языке давно использовался для обозначения многократности действия: *говаривать*, *игрывать, хаживать, брасывать, куривать, писывать*). А многократность (итеративность) – это не то же самое, что непредельность, значение несовершенного вида, см.: (Isachenko, 1960: 275). И для того, чтобы поддержать имперфективную семантику суффикса, в каком-то смысле продублировать ее, фонема <о> в корне стала заменяться на <а>. (Что же касается собственно итеративных глаголов, то данный подкласс стал постепенно ограничиваться и угасать.)

Процесс вторичной имперфективации с меной гласной фонемы постепенно вовлекал в свою орбиту все новые глаголы. Возьмем в качестве исходного

список из 10 глагольных пар, который приводит В.В. Виноградов как примеры «продуктивной видовой корреляции» в своем знаменитом «Русском языке» (Vinogradow, 1947: 508). Назовем его Список 1:

Вздрогнуть – вздрагивать
Выработать – вырабатывать
Заготовить – заготавливать
Задобрить – задабривать
Заподозрить – заподазривать
Облагородить – облагораживать
Обусловить – обуславливать
Оспорить – оспаривать
Приготовить – приготавливать
Успокоить – успокаивать

Для В.В. Виноградова чередование <o> / <a> в основе этих глаголов столь же закономерно, как чередование согласных фонем (*облагородить – облагораживать, заготовить – заготавливать* и т.п.).

Вместе с тем, ученый замечает, что чередование <o> / <a> не носит всеобщего, всеохватного характера, и приводит список из 15 других пар, в которых при вторичной имперфективации чередования не происходит. Назовем его Список 2: *обезволивать, опозоривать, обусловливать, отсрочивать, опорочивать, подытоживать, приохочивать, захлопывать, пришпоривать, приурочивать, сосредоточивать, узаконивать, ускоривать, упрочивать, уполномочивать* (Ibidem). Эти глаголы несовершенного вида сохраняют фонему <o> в своей основе.

Этот второй список интересен хотя бы тем, что в него попадает глагол *обусловливать* (в то время как в Списке 1 уже есть *обуславливать*, с чередованием). Значит, *обуславливать и обусловливать* – допустимые варианты?

Кроме того, если соотнести эти два списка с данными Толкового словаря Ушакова (который вышел еще до Второй мировой войны, т.е. несколько раньше книги Виноградова, но Виноградов – это важно! – был одним из его составителей!), то обнаруживаются любопытные расхождения. Из виноградовского Списка 1 («рекомендательного») в Словаре Ушакова (Ushakow (ed.), 1935–1940) нет глагола *заподазривать*, но зато Словарь фиксирует такие имперфективы, образующиеся с меной корневого <o> на <a>, как *опорачивать, отсрачивать, сосредотачивать* и *уполномачивать.* Правда, первые два из них – с запретительной пометой «неправ.», а последние два – с пометой «простореч.». Есть тут и *обуславливать* с пометой «разг.». А вообще Словарь Ушакова довольно широко отражает процесс вторичной имперфективации, в том числе с меной гласной фонемы. Представлены тут *вымащивать, перебарщивать, пересаливать, подготавливать, подкапывать* и мн. др. Фиксируются также *одалживать, озабачивать, ознакамливать, смарщивать*, но

снабжаются пометой «неправ.». Производные от *унавозить* имперфективы *унавоживать* и *унаваживать* трактуются как варианты. Наряду с *осваивать, удваивать, утраивать* упоминаются устаревшие варианты *освоивать, удвоивать, утроивать.* В этом смысле Словарь Ушакова оказывается весьма демократичным, он пытается зафиксировать ситуацию в динамике.

Если сравнить с ним вышедший более чем через полвека «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (Kuznecow (ed.), 1998), продолжающий, как говорится в предисловии, «традиции отечественной академической лексикографии», то заметен его нормативный (или нормативистский) уклон. Здесь не приветствуются варианты. И хотя *обуславливать* и *сосредотачивать* с пометой «разг.» тут уже зафиксированы, в целом ощутить динамику в образовании имперфективов по этому словарю невозможно.

А между тем, с многих глаголов, ощущавшихся как «просторечные» или «неправильные», в последние десятилетия это клеймо снимается, и они явочным порядком кодифицируются в русском языке. Во всяком случае, из Виноградовского Списка 2 ряд глаголов сегодня спокойно уже употребляется с гласной <а> в основе. Это, в частности, *сосредотачивать, уполномачивать, опорачивать;* близки к этому *узаканивать, приурачивать и приохачивать.* Языковой узус постепенно приучает нас к этим новообразованиям.

Более того, в современной русской речи встречаются такие факты, как: *обезбаливать* (от *обезболить*), *обестачивать* (от *обесточить*), *обескравливать* (от *обескровить*), *растамаживать* (от *растаможить*), *укокашивать* (от *укокошить*), *подпарчивать* (от *подпортить*), *застальбливать* (от *застолбить*), *обанкрачиваться* (от *обанкротиться*), *проголадываться* (от *проголодаться*) и т.п.

Приведем несколько примеров из литературы.

Четыре иллюстрации того, как новая идея **огорашивает** человека, к ней не подготовленного (Д. Хармс. Четыре иллюстрации…).

В спецфилиале Дома творчества **накармливают** разными вкусными вещами, а вокруг располагается полудикая природа… (Б. Кенжеев. Обрезание пасынков).

Толик. …Ты на свой карман работаешь, а я помогаю матери бизнес вести. Если предприятие не вести, как следует, оно – **обанкрачивается.**

Саша. Сам ты «обанкрачивается».

Толик. **Обанкрачивается**, да! (Н. Коляда, Икар).

Разумеется, в разговорной речи, а также в средствах массовой информации данная тенденция проявляется значительно шире и свободнее. Приведем несколько примеров из разговорной речи (собственные записи):

Ты этим особо **не заморачивайся…**

Если человек встает в шесть, так к одиннадцати часам он уже **проголадывается.**

В этой жаре **намачиваешь** простынь, заворачиваешься в нее и пытаешься уснуть, пока она не высохла.

Профессора в Европе **не озабачиваются** тем, как они одеты…

М.В. Всеволодова, ратуя за создание объективной грамматики русского языка, обращает в связи с этим внимание на процессы вторичной имперфективации и приводит из разговорной речи такие примеры с глаголом *захачивать* (производным от *захотеть*), как:

Мне тридцать два, и я только **захачиваю** иметь детей;

Временами я вторично **захачивал** есть;

Поэтому я периодически **захачивала** быть то учителем, то биологом, то инженером, то археологом (Vsevolodova, 2012: 45).

Очень любопытно следующее собственное наблюдение: разговор двух мужчин старше 50 лет (у обоих – высшее гуманитарное образование; разговор происходит в 2015 году). Речь заходит о ситуации в Украине.

А. Эти конфликты обескравливают обе стороны.

Б. достает блокнот, записывает.

А. Что ты пишешь?

Б. То, что ты сказал: «обескравливают».

А. Я не мог так сказать. Я сказал: «обескровливают».

То есть участник А, допускающий в своей речи чередование <o>/<a>, тем, не менее, оценивает его в данном случае отрицательно.

Как же должны к этому явлению относиться языковеды, особенно те, которые заняты преподаванием русского языка и стремятся придерживаться литературной нормы?

Блестящий русский филолог М. В. Панов отмечал для глагола в современном русском языке тенденцию к усложнению его формальной структуры, к «морфемному увеличению». Он имел в виду преобразование двувидовых глаголов с суффиксом *-ова-* в одновидовые с помощью добавки суффикса *-ив-: организовывать, мобилизовывать, образовывать* и т.п. Этот факт казался ему «крайне неприятным». «Хочу надеяться, – писал он, – новшество не удержится в языке или, во всяком случае, не проникнет в повседневную культурную речь. Тем не менее, эти новшества показывают тенденции в движении грамматической системы: глагол тянется к обрастанию морфемами» (Panow, 1999: 266).

Заметим: одно дело – симпатии или антипатии языковеда, его профессиональная оценка каких-то новшеств. И другое дело – объективная фиксация этих явлений и, как сейчас принято говорить, их мониторинг во времени. Язык следует своим законам внутреннего развития, и в данном плане он не обращает внимания на рекомендации или запреты лингвиста.

Другой современный исследователь, Е.Н. Ремчукова, приводя многочисленные примеры «потенциальных имперфективов», в том числе с чередованием <o>/<a>, вроде *выхлопатывать, раззванивать, отсрачивать, постораниваться,* приходит к следующему выводу: «В современном русском языке идет тотальное и абсолютно свободное образование вторичных имперфективов от приставочных глаголов СВ» (Remchukova, 2005: 176).

В настоящее время у лингвистов появился мощный инструмент для изучения динамики того или иного языкового явления: это национальные корпусы. В том числе и Национальный корпус русского языка (NKRYA) предоставляет возможность изучить особенности конкуренции имперфективов с <о> и <а> в основе (т.е. без чередования или с чередованием гласных). Например, можно наглядно продемонстрировать, как за последние два столетия возрастает частота употребления в русских текстах глагола *вырабатывать* и как – в обратной пропорции – в то же время «умирает» вариант *вырабо́тывать* (см. графики 1 и 2).

Фигура 1. Динамика употребления глагола вырабатывать (по NKRYA)

Фигура 2. Динамика употребления глагола вырабо́тывать (по NKRYA)

Однако использование корпусных данных требует некоторых оговорок. Во-первых, база (NKRYA) постоянно пополняется, и в выборе источников

особой системности не чувствуется. Причем, кроме основного подкорпуса, появляются новые подкорпусы, важные для фиксации каких-то дискурсивно ограниченных (в том числе потенциальных) явлений. Во-вторых, пользователя интересует не столько год фиксации того или иного языкового факта в Корпусе (скажем, 2010, 2011 и т.д.), а год появления данного факта в тексте. Это тоже возможно установить, но тут возможна некоторая путаница.

В частности, в очень обстоятельной статье (Skovorodkina, 2010) приводятся данные о соотношении именно тех имперфективов, которые нас интересуют – образующихся с сохранением фонемы <о> и заменяющих <о> на <а>, то есть «без чередования» и «с чередованием». И общая картина получается совершенно ясная: имперфективы с <а> постепенно вытесняют своих конкурентов с <о>. Сначала в статье приводится таблица статистического соотношения вариантов несовершенновидовых глаголов с <о> и с <а> по данным NKRYA на июнь 2008 г.

Таблица 1: Статистика вариантов в 2008 г. (по М.А. Сковородкиной)

Словоформа	**Количество контекстов**	
	-о-	-а-
Выраб*тыва-	29	–
Запод*зрива-	18	5
Зас*рива-	29	10
Нам*рщива-	10	–
Обезв*жива-	82	–
Обест*чива-	290	–
Обусл*влива-	1452	216
Озаб*чива-	67	2
Ознак*млива-	6	–
Оп*шлива-	4	–
Опоз*рива-	5	–
Отср*чива-	24	–
Оф*рмлива-	9	–
Подзад*рива-	117	–
Подыт*жива-	72	–
Принев*лива-	24	1
Приох*чива-	9	–
Приур*чива_	114	–
Пришп*рива-	35	–
Сосредот*чива-	887	185
Узак*нива-	45	1
Унав*жива-	16	4
Уполном*чива-	67	12
Упр*чива-	50	–

Очевидно, что в подавляющем большинстве приведенных случаев доминирует вариант имперфектива с <о>. Автор объясняет это характером источников, из которых извлекался материал: «абсолютно все примеры в данной группе отражают норму XIX в.» (Ibidem :73).

Затем те же самые 24 глагола проверяются по данным NKRYA на июнь 2010 г. Но варианты даются уже с разбивкой по основному подкорпусу (О), газетному (Г) и устному (У).

Таблица 2. Статистика вариантов в 2010 г. (по М.А. Сковородкиной)

Словоформа	**Количество контекстов**	
	-о-	**-а-**
Выраб*тыва-	25 О	1299 О, 1453 Г, 66 У
Запод*зрива-	19 О	7 О
Зас*рива-	3 О	8 О, 1 Г
Нам*рщива-	13 О	–
Обезв*жива-	66 О, 180 Г	–
Обест*чива-	13 О, 52 Г, 2 У	–
Обусл*влива-	708 О, 77 Г	189 О, 85 Г, 2 У
Озаб*чива-	60 О, 2 Г	2 О
Ознак*млива-	6 О	7 О, 1 Г
Оп*шлива-	4 О	–
Опоз*рива-	5 О	–
Отср*чива-	24 О, 3 Г	–
Оф*рмлива-	10 О	–
Подзад*рива-	121 О, 25 Г, 1 У	–
Подыт*жива-	68 О, 109 Г, 3 У	–
Принев*лива-	25 О	1 О
Приох*чива-	10 О	–
Приур*чива_	90 О, 38 Г, 2 У	–
Пришп*рива-	38 О, 6 Г, 1 У	–
Сосредот*чива-	597 О, 120 Г	152 О, 96 Г, 15 У
Узак*нива-	43 О, 115 Г, 2 У	1 О
Унав*жива-	20 О, 27	7 О
Уполном*чива-	75 О, 32 Г	16 О, 1 Г, 1 У
Упр*чива-	51 О, 10 Г	–

К сожалению, данные таблиц 1 и 2 трудно сопоставимы из-за того, что остается неясным, какие факты, зафиксированные Корпусом в 2008 году, попали затем в «газетный» или «устный» подкорпусы, а какие остались в «основном». Но при общем расширении базы Корпуса следует сказать, что данные за 2010 год принципиально не отличаются от сведений за 2008 год. Видимо, принятая в Кор-

пусе ориентация на источники фактического материала за два года не изменилась. Впрочем, некоторые детали таблиц все равно остаются неясными. Нельзя не заметить необъяснимых (и не объясненных в статье) количественных скачков у глаголов *вырабатывать* и *подытоживать*, а также странной динамики у вариантов *засоривать/засаривать*. «Рост» или «падение» некоторых частотных показателей несомненно нуждается в объяснении. Возможно, эти вопросы связаны с несовершенством исследовательской методики.

Представлены в статье М.А. Сковородкиной и две таблицы с другой группой глаголов (в количестве 19 единиц), для которых на тот же период (2008 и 2010 гг.) мена <о> на <а> в корне является превалирующей (*выхлопатывать, дотрагиваться, заболачивать* и т.д.). И здесь существенных различий между данными за 2008 и 2010 годы нет, но общий вывод автора выглядит безапелляционно: «Современный русский язык движется в сторону увеличения количества грамматических глагольных вариантов с корневым а, причем особенно это характерно для устной речевой практики» (Ibidem :76).

Несомненно, мы являемся свидетелями того, как некоторая языковая тенденция пробивает себе дорогу через конкуренцию речевых вариантов. Вопрос только в том, действует ли тут словообразовательная модель как таковая, «в чистом виде», или же конкретные изменения происходят по аналогии с другими глаголами, уже «прошедшими» по данному пути. Явление вторичной имперфективации заслуживает внимания и еще в некоторых своих теоретических аспектах. Возникновение корней-дублетов, типа *-строй-/-страй-, -спор-/-спар-, -долг-/-далж-, -забот-/-забач-* и т.п. фактически означает появление новых языковых единиц, количественное увеличение кода. Согласно известному информационному закону, оно должно компенсироваться сокращением длины текста. Так оно, очевидно, и происходит, когда мы хотим выразить довольно сложный смысл, – скажем, повторяющийся характер действия, имеющего некоторый предел.

Но если рассматривать явление вторичной имперфективации в развитии, то становится ясно: системный характер языковых изменений сталкивается тут с принципиально нежестким характером языковых классов. И полем этой борьбы оказывается соотношение и взаимодействие уровней языковой системы. Судя по описанному фрагменту языковой эволюции, фонологическое тождество приносится в жертву регулярности выражения грамматических значений. Функционально нагруженная грамматика оказывается сильней механистической фонологии.

Acknowledgement. Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда, проект 16-18-02005.

REFERENCES/ЛИТЕРАТУРА

Chakarova, Kr. (1998). Za sashnostta na vtorichnata imperfektivacija v savremennija balgarski ezik. *Nauchni trudove na Plovdivskija universitet «Paisij Hilendarski»*. T. 36, kn. 1. S. 171 – 183 [Чакърова, Кр. (1998). За същността на вторичната

имперфективация в съвременния български език. Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“. Т. 36, кн. 1. С. 171 – 183].

Isachenko, A.V. (1960). *Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovackim.* Morfologiya. Chast' vtoraya. Bratislava: Izdatel'stvo Slovackoy Akademii Nauk [Исаченко, А.В. (1960). Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая. Братислава: Издательство Словацкой Академии наук].

Ivanchew, Sv. (1971). *Problemi na aspektualnostta v slavyanskite ezici.* Sofia: Izdatelstvo na BAN [Иванчев, Св. (1971). Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София: Издателство на БАН].

Ivanova, K. (1967). Razvoj i upotreba na vtorichnite nesvarsheni glagoli v novobalgarskija knizhoven ezik. *Izvestija na Instituta za balgarskija ezik pri BAN.* XV. Sofia. S. 47 – 92. [Иванова, К. (1967). Развой и употреба на вторичните несвършени глаголи в новобългарския книжовен език. Известия на Института за българския език при БАН. XV. София. С. 47 – 92].

Kuznecow, S.A. (ed.) (1998). *Bol'shoy tolkovyj slovar' russkogo jazyka.* Sankt-Peterburg: Norint [Кузнецов, С.А (глав. ред.) (1998). Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 1998].

Matezius, V. (1967). O potencial'nosti jazykovych javlenij. Kondrashow, N.A. (ed.). *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok.* Moskva: Progress [Матезиус, В. (1967) О потенциальности языковых явлений. Кондрашов, Н.А. (сост.) Пражский лингвистический кружок. Москва: Прогресс]. С. 42-69.

NKRYA – *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [НКРЯ – Национальный корпус русского языка]. Режим доступа: on-line: www.ruscorpora.ru

Norman, B.Ju. (2016). Javlenija potencial'noj grammatiki i ich mesto v processe prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo. *Vestnik Vengerskoj associacii prepodavatelej russkogo jazyka i literatury. Sovremennyj russkij jazyk: funkcionirovanie i problemy prepodavanija.* № 30. Budapesht. S. 106 – 112 [Норман, Б.Ю. (2016). Явления потенциальной грамматики и их место в процессе преподавания русского языка как иностранного. Вестник Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 30. Будапешт. С. 106 – 112].

Panow, M.V. (1999). *Pozicionnaya morfologija russkogo jazyka*. Moskva: Nauka – Shkola „JARK“ [Панов, М.В. (1999). Позиционная морфология русского языка. Москва: Наука – Школа «ЯРК»].

Remchukova, J.N. (2005). *Kreativnyj potencial russkoj grammatiki.* Moskva: Izdatel'stvo Rossijskogo universiteta druzhby narodov [Ремчукова, Е.Н. (2005). Креативный потенциал русской грамматики. Москва: Издательство российского университета дружбы народов].

Skovorodkina, M.A. (2010). K voprosu o grammaticheskoj variativnosti vidovych form glagola v sovremennom russkom jazyke. *Russkij jazyk v shkole*. № 9. S. 71 – 76 [Сковородкина, М.А. (2010). К вопросу о грамматической вариативности видовых форм глагола в современном русском языке. Русский язык в школе. № 9. С. 71 – 76].

Ushakow, D.N (ed.) (1935 – 1940). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. T. I – IV. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo inostrannych i nacional'nych slovarej [Ушаков, Д.Н. (ред.) (1935 – 1940). Толковый словарь русского языка. Т. I – IV. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей].

Vinogradow, V.V. (1947). *Russkiy jazyk. Grammaticheskoye uchenie o slove*. Moskva-Leningrad: Uchpedgiz [Виноградов, В.В. (1947) Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва – Ленинград: Учпедгиз].

Vsevolodova, M.V. (2012). K voprosu ob objektivnoj grammatike. *Urbi et Academiae. Gradu i nauchnomu soobshchestvu.* Sankt-Peterburg: Alef-Press [Всеволодова, М.В. (2012). К вопросу об объективной грамматике. *Urbi et Academiae. Граду и научному сообществу.* Санкт-Петербург: Алеф-Пресс. С.42 – 49].

Zaliznyak, A.A. (1987). Predislovije. In: Zaliznyak, A.A. *Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka. Slovoizmenenie.* Moskva: Russkij jazyk. S. 3 – 10 [Зализняк, А.А. Предисловие. Зализняк, А.А. (1987). Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Москва: Русский язык. С. 3 – 10].

Zubova, L.V. (1999). *Jazyk poezii Mariny Cvetaevoj* (fonetika, slovoobrazovanie, frazeologija) [Зубова, Л.В. (1999). Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета].

POTENTIAL FACTS IN THE GRAMMAR OF MODERN RUSSIAN: SECONDARY IMPERFECTIVES

Abstract. The present article is concerned with potential grammatical facts of modern Russian. The verbs with imperfective meaning (secondary imperfectives), i.e. обуславливать, оспаривать, уполномачивать, обезбаливать etc., are considered as such. In terms of language development, secondary imperfectives actively expand their sphere of usage; which is shown in graphs and tables. Special attention is given to the phonemic alternation of o and a in verbal roots. In this way both suffixation (suffix -ива-) and internal inflection (o/a) co-occur in this process. It is concluded that grammatical function of imperfectivation outweighs, wins over the unity of phonological structure of the word.

Similar phenomena in Bulgarian (написвам, отшумявам etc.), where secondary imperfectivation is regarded as a clear manifestation of grammaticalization, serve as a background for imperfectives in Russian.

✉ **Prof. Boris Norman, DSc.**
Department of Theoretical and Slavic Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: boris.norman@gmail.com